

АНТРОПОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

УДК: 39+9

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-1/305-322

Научная статья

© В. Л. Бигуаа

МОЛЕНИЕ РОДА ДЖАПУА
В СИСТЕМЕ ТРАДИЦИОННОЙ РЕЛИГИИ АБХАЗОВ

На основе полевого этнологического материала автора в работе исследуется одно из многочисленных родовых (фамильных) молений, функционирующих как институт абхазской традиционной религии, в аспекте его архаических корней и современного состояния. Для полного восприятия предмета изучения дается максимально подробное описание обрядовой практики культа и интерпретация основных элементов, из совокупности которых он сформировался. Благодаря комплексному методу исследования культа, у автора появилась возможность выяснения мотива его возникновения и установления функционального назначения. Проводится также опыт этимологизации названия обряда.

Ключевые слова: Абхазская традиционная религия, род, родовой культ, родовая организация, обряд, ритуал, моление, жертва

Ссылка при цитировании: Бигуаа В. Л. Моление рода Джапуа в системе традиционной религии абхазов // Вестник антропологии. 2025. № 1. С. 305–322.

UDC 39+9

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-1/305-322

Original article

©Valeri Biguaa

THE ANCESTRAL CULT OF DZHAPUA
IN THE SYSTEM OF ABKHAZIAN TRADITIONAL RELIGION

Based on the author's field materials, the paper studies one of the many clan (family) prayers that function as an institution of the Abkhazian traditional religion, from the perspective of its archaic roots and the modern state. It provides a detailed description of the ritual practice and the interpretation of its main elements. A complex study of the cult allowed the author to clarify its origin, to determine its functional purpose, and to attempt to suggest the etymology of its name.

Keywords: Abkhazian traditional religion, clan, clan cult, clan organization, rite, ritual, prayer, sacrifice, ritual dance

Author Info: Biguaa, Valeri L. — Dr. of History, Leading Researcher, Institute of Humanities Research, Academy of Sciences of Abkhazia, Professor, Abkhaz State University (Sukhum, Republic of Abkhazia). E-mail: valera.biguaa@yandex.com

Бигуаа Валерий Левардович — д. и. н., ведущий научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований АН Абхазии, профессор, Абхазский государственный университет (Республика Абхазия, г. Сухум, ул. Университетская 1). Эл. почта: valera.biguaa@yandex.com

For citation: Biguaa, V. L. 2025. The Ancestral Cult of Dzhapua in the System of Abkhazian Traditional Religion. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 305–322.

Введение

По абхазскому традиционно-статистическому измерению род Джапуа входит в число родов среднего размера, состоящих из двухсот–трехсот семей. Его основной родственный массив приходится на три между собой соседствующие предгорные общины абжуйцев:¹ Члоу, Отап и Тхина. Есть некоторые семьи рода и в других городах страны, в частности, в её бзыбской части, в виде малочисленных фамильных единиц.

Степень изученности темы исследования. Список специальной литературы, освещающей моление рода Джапуа под названием «Джахашкьярныха», минимален. Если не брать в расчет упоминания о нем как топониме, то впервые о Джахашкьяре как о святилище, расположенном на территории общины Цабал, написал еще родоначальник абхазской советской этнографии профессор Ш. Д. Инал-ипа, но буквально в двух–трех предложениях в одной из его объемистых монографий (*Инал-ипа* 1976: 304–305). А специальных работ всего лишь две, опубликованные в виде статей абхазским археологом А. И. Джапуа (*Джапуа* 2007: 173–177) и Санкт-Петербургским этнологом Ю. М. Ботяковым в соавторстве с тем же А. И. Джапуа (*Ботяков, Джапуа* 2009: 78–86) в периодическом журнале и сборнике научных работ — соответственно. В обеих статьях описывается обрядовая практика, что дает им право считаться ценными публикациями. Имеется также ряд фото- и видеоматериалов, заслуживающих внимания этнолога, взявшегося за новое исследование объекта с несколько иного угла². Вместе с тем, обе статьи не лишены неточностей, особенно в их выводах. За исключением двух–трех попыток, в них не сделана интерпретация полевого этнологического материала. Поэтому я, как абхазский этнолог, считаю нужным продолжить работу над обозначенной темой, а именно методом комплексного исследования. Весьма проблематичным остается, прежде всего, функциональное назначение культа, о чем речь пойдет в данном исследовании по мере необходимости в разделе «Интерпретация полевого этнологического материала».

Жизненные перипетии рода Джапуа в прошлом: исторический экскурс. В родовом предании Джапуевцев говорится, что «их далекие предки, в составе четырех братьев» (ПМА I), а по другой версии — «члены большой патронимии» (ПМА II), вышли из Цабальской общины, расположенной на обоих склонах среднего течения реки Кудры (офиц. Кодор), служащей естественной границей между двумя центральными регионами Абхазии — Гумским и Абжуйским, прибыли в предгорное местечко Аимара Члоуской общины, Абжуйской Абхазии, и обосновались на его земле. Мотивом переселения послужила кровная месть. «Случилось так, что один из пастухов дерзкого княжеского рода Маршан, переселившегося в начале XVII столетия из Ахчипсы в Цабал, повалил топором многолетнюю липу, богатую зелеными листьями, с целью обеспечения коз сочным и легкодоступным зеленым кормом. Один из молодых мужчин рода Джапуа, наткнувшись на факт преступления, воз-

¹ Абжуйцы — абхазы, проживающие в юго-восточной части страны.

² Материалы эти любезно представлены мне директором Абхазского государственного музея, старшим научным сотрудником отдела археологии Института гуманитарных исследований АН Абхазии Аркадием Ивановичем Джапуа.

мутился и побил его. Перед уходом обиженный пастух пригрозил своему обидчику именем своего господина. Джапуа не выдержал, взял и убил его. Между тем липа эта служила роду Джапуа надежным укрытием от горячего солнца или ненастья во время моления Верховному Богу, совершавшегося им здесь ежегодно в начале лета. Во избежание мести, убийца вместе с его родственным окружением покинул свое место жительства» (ПМА II). Однако, ссылаясь на рукопись абхазского языковеда Б. Г. Джонуа, археолог А. И. Джапуа в вышеуказанной статье приводит данное предание в несколько другом варианте (*Джапуа* 2007: 174). Судя по нему, пастух из рода Маршана вырубил не липу, под которой род Джапуа совершал моление верховному Богу, а молодые дубовые деревья, окружавшие Джахашкьярныха. Более того, убийство совершил ни некто, а сам жрец.

С течением времени род Джапуевцев в Аймаре сильно разросся, и это поселение не могло уже удовлетворять базовые потребности его членов. Естественно, поэтому отдельные группы аймаровских Джапуевцев переселились в село Члоу и в другие соседние селения. Как сообщает историческая память рода Джапуа, основная часть семей цабальских соплеменников оставалась там, в Цабале, но и она была изгнана с родной земли, депортирована в заморскую страну силами штыков царских войск в 1837, 1867 и 1877 годах — в период т. н. «Кавказской войны» вместе с основной массой населения общины (ПМА I). Последнее событие — историческая реальность, но предание о миграции всего лишь рациональное зерно определенного периода жизни рода. На самом деле, картина переселения рода Джапуа из Цабала в Аимара выглядит несколько иначе.

В зрелом средневековье (XIV–XVII вв.) в результате исторических и политических обстоятельств юго-восточная часть Абхазия оказалась в руках соседнего Мегрельского княжества. Не смирившись с положением вещей, многие абхазы с данной территории страны, в том числе Джапуевцы, перебрались в труднодоступные горные места — «до лучших времен». Однако для наступления этих времен понадобилось порядка трех столетий: неоднократная попытка освобождения не привела к

Рис. 1. Дорога на вершину холма — к месту моления. Архив автора

желаемому результату. Каждый раз захватчику оказывало всестороннюю военную помощь то одно, то другое грузинское этнополитическое образование, прежде всего — более сильное Картлийское царство. К концу XVII в. Абхазское княжество усилилось настолько, что неприятель был изгнан им за пределы абхазской земли без особого труда, и вновь река Егры (груз. яз. Ингури) стала естественной границей между двумя феодальными государственными образованиями, долго находившимся в состоянии войны. С целью полного освоения освобожденной абхазской территории, абхазские правители всех рангов призывали крестьян горных районов страны занять свои, некогда покинутые их предками места.

Таким образом, Джапуевцы «как, например, и их соседи, Адлейбовцы» (*Бигуаа* 2023: 310–338), не переселились из Цабала, а вернулись к себе домой, в Аимара.

Сегодня наравне с обрядами жизненного цикла, одним из духовных факторов единения рода Джапуа служит, по словам представителей рода, его святилище, Джахашкяр (Цъахашькъарныха). Моление у святилища совершается в первой половине дня важнейшего традиционного праздника, Амшапы — «дня древнего Нового года» (*Бигуаа* 2018: 88–113; *Бигуаа* 2023: 96–124).

Подготовка к совершению культа

Примерно за неделю до дня моления во всех семьях рода женщины начинают собирать продукты, необходимые для приготовления своей «личной доли» жертвенной пищи и материал для семейной культовой свечи, которые в совокупности называются *амартхэ*. Правда, только в том случае, если в данное время они отсутствуют в доме. В канун культового празднества каждый из членов семей рода приводит себя в надлежащий порядок: проходит процедуру ритуального омовения. А в день проведения праздника все одеваются в новую, или свежевыстиранную и поглаженную одежду, тем более, что в это время также происходит встреча светлого праздника Амшапы, совпадающего, как правило, с христианским праздником Пасхи.

Утром праздничного дня Амшапы, равно и родового моления, в каждой семье её члены встают, как только забрезжит свет, за исключением малолетних детей. Причем, первым должен встать старший в ней мужчина (глава семьи), и при этом с правой ноги. Если нет в семье старшего мужчины в живых, то его заменяет мать семейства, но в том случае, если дети её несовершеннолетние. Совершеннолетний сын, тем более женатый, считается главным членом семейной организации со всеми вытекающими из этого последствиями во всех сферах её жизни, как внутренней, так внешней. Выйдя во двор, символически помыв заранее руки и лицо, он / она становится лицом к восходу солнца, если даже оно еще не взошло, слегка подняв подбородок повыше к небесам, и отправляет краткую молитву Верховному Богу абхазского пантеона Анцэа: «Всемогущий Великий Бог! Спасибо тебе за то, что ты дал мне возможность вместе со своей семьей встретить этот Великий день в целостности и сохранности! С твоего разрешения, в первой половине дня мы примем участие в совершении своего родового моления на недалеко расположенной от селения холмистой горе. Как только оно завершится, мы все спешно спустимся с горы и преступим к несению службы у твоих золотых ног. Дай нам тепло твоих глаз и сердца! Да обойти мне вокруг твоих золотых ног!» (Зегъы зымчу Анцэаду! Сукэыхшоуп стацэагъы саргъы, хаибга-хаи-шбыда, иахбатэи амш лаша хахьапужылаз азы! Уара ухэахьа инакэыршэаны, амш

ацхьатәи азыбжазы, ааигәа иҕоу ахәаҭы, хажәла рзеицшныхәа хамоуп, харгьы зегьы икарто кахцароуп, хәалахархәыроуп. Аныхәа хшаалгаз еипш, хашзахәо, арахь халбааны, ура умат аура халагоит, ухьышыргәытца сакәыхшоуп (ПМА II).

Вслед за главой семьи встают и его домочадцы, обычно по старшинству. Старшая женщина, после ритуального омовения и отправления божеству ритуальной молитвы, приступает к приготовлению круглого пирога, начиненного сычужным сыром, и семейной культовой свечи, которые предназначены обрядовому действию культа как «семейная доля общеродового пожертвования». При этом женщина может приготовить несколько таких пирогов, но в качестве ритуального приготовления считается только один из них. Заодно она варит *айладж* — крутую кашу из кукурузной муки с несколько выдержанным сычужным сыром, которая обязательна в качестве праздничного завтрака семьи в день Амшапы. После приёма пищи и выпечки культового пирога все, кто может, отправляется на высокий холм, на вершине которого имеется полянка — место совершения обряда.

Моление Богу и связанные с ним ритуалы

Моление начинается, как только соберутся все поданные культу лица, за исключением тех, кто по уважительной причине не смог принять участие в его совершении. Бывают и такие случаи, когда на родовой культ приглашаются представители двух других родов — Джабуа и Дапуа, считающихся вместе с Джапуа потомками одного и того же родоначальника¹. А та часть рода, которая представляет собой потомство ставших в известные времена жертвой геноцида на своей земле и проживает в среде многочисленной абхазской диаспоры в Турции, естественно, не имеет возможности принимать участие в совершении родового культа.

«Мотивом выбора Джапуевцами аимаровского холма в качестве места моления, как его называют хозяева положения, «дочернего святилища» (ацыптәаха) — Джахашкьарская Аныха — послужило его некоторое сходство с горой, Адагуа. По убеждению старшинства рода, у подножия этой горы располагается головное святилище Джапуевцев. Безусловно, им служит и близость холма от селения Аимара, основного места жительства рода, независимо от мест проживания других его представителей» (ПМА I, ПМА II).

В центре богатой растительным покровом полянки, простирающейся на вершине этого священного холма, выкладывают на стол друг на друга все культовые подношения Богу, коими являются пироги и культовые свечи. Стол этот носит стационарный характер, ибо сделан он специально из твердой древесины каштана, как необходимый предмет утвари, способный служить «святилищу» надолго. На самом верху многочисленной массы пирогов кладется пирог моельщика, на котором красуется его личная культовая свеча, несколько большая по размерам остальных семейных.

По традиции родовой моельщик / жрец должен быть в светлой одежде, особенно его рубаха, которая перед началом моления отпускается им ниже пояса поверх штанов. Верхние три пуговицы рубашки расстёгиваются. Если он одет в национальную

¹ В силу представления старшего поколения, на людей Джапуа, Джабуа и Дапуа распространяется строгая экзогамия — брак между молодыми людьми всех этих трех родов запрещается. Хотя возможно, что оно продиктовано простым созвучием фамилий. В пользу последнего мнения может служить наличие на Северном Кавказе этих фамилий, правда пишущихся в соответствии с русской антропонимической моделью: Джапуев, Дапуев.

Рис. 2. Отправление молещиком молитвы Божеству.
Архив автора

вина, левой — собранные в одну кучу семейные свечи, поднимая их на уровень своей груди. За ним стоит весь мужской состав рода, громким и установленным голосом он отправляет молитву Верховному Богу, Анцва (анцэа) приблизительно следующего содержания:³ «Наш Великий покровитель, Великий Бог — да обойти вокруг твоих золотых ног! Сегодня мы, члены рода Джапуа, собрались, чтобы здесь, у Аныхамца (аныхамца) просить тебя, как это делаем ежегодно великий день, Амшапы, о ниспослании нам тепло твоих очей и сердца. Ты — создатель мира: неба, земли, природы, гор, морей, рек, людей и животных, — создатель небесных светил! Как показали нам наши отцы, мы захватили с собой свое скромное подношение. Прими его! Прошу тебя лично я, как родовой молещик, прошу, прошу и от имени всего рода, не обделяй нас твоего покрова — мы знаем и хорошо помним, что он надежно оберегает нас. Береги того, кто в доме, кто в дороге, в воздухе, в воде, в лесу, в горах! Правда, бывали в нашей жизни несчастные случаи, связанные с недопониманием со стороны отдельных членов нашего рода, позволившим себе легкомысленное поведение перед тобой. Прошу тебя, в дальнейшем предотвратить любого несчастного шага любого моего сородича! Обещаю, что

одежду — апсуаматэа, то должен снять верхнюю одежду комплекса одевания — акэымжэы (черкеска) вместе с поясом и кинжалом, но если решил оставить её на себе, то распахивает полностью, заранее освободив от тех же металлических предметов¹, обнажив свою голову, расстегнув верхние три пуговицы своей светлой рубашки или бешмента². Точно так поступают и все присутствующие. Встав лицом на восток, правой рукой молещик берет стакан черного

¹ Аккэмжэы (черкеска) снимается по той простой причине, что в её грудной части обита газырницами (ахазыртра), в которых лежат газыры (ахазыркэа) с готовыми зарядами для ружья. По это же причине он освобождает себя от пояса, украшенного серебряными предметами, а также на нем висит кинжал. Молещик должен совершать моление так, чтобы Бог, к которому он обращается, поверил в его открытую душевность.

² У абхазов, как и у других родственных кавказских горцев, головной убор — символ мужского начала, потому его не снимают в общественных местах, но перед Богом — снимают в обязательном порядке. Светлый, особенно белый цвет — символ светового дня, жизни и святости мира, которым управляет Верховный Бог. Потому во время моления Богу жрец должен одеться в светлую одежду.

³ «Приблизительно» потому, что молитвенная формула составлена автором из двух молитв, отправляемых культу двумя друг друга сменившимися по возрасту молещиками. Как правило, по форме речи этих молещиков не совсем совпадают друг с другом, но содержание их — один в один. То есть остов молитвенной формулы остается неизменным.

в будущем году мы встретим тебя с еще большей радостью и большим составом рода (Хыхь икоу, иаххылапшуа Анцэаду, ухышыргэытца сакэыхшоуп! Иахьа Ацъапу-ажэлар ахьанзаназаазо абра Аныхамтца ҳаизеит ҳмартхэкэа ҳгэйдкыла-ны, Ҳабацэа ишахдырбаз еипш, ҳцэашьхэагы на-рыкэцаны, улыпха-угэыха ҳаутаразы. Сухэоит, иудкыл. Икэнумышан, гэык ала ихархиаз ауп. Уара — адунеи зшаз: жэџангы, дгьылгы, псабарагы, уаагы-цстэгы, — амра зшаз, амза зшаз, аетцэкэа зшаз! — Ацэашьхэы зку азэы иахасаб ала, хаталагы сара сухэоит, сухэоит сышьтахь игылоу су-аажэлар рыхьзалагы, уаххылаш, улапш ҳагу-мырхан. Ҳара ибзианы иаадыруеит, ибзиангы иахгэалашэоит уара уб-зиаракэа. Аџны дыкоума,

Рис. 3. Горение ритуальных свечей. Архив автора

адэаџы дыкоума, абна дылоума, ашьха дыкоума, азы дтоума, ахауа далоума, дахьыка-заалакь ҳара ихайуоу дыхьча, машэыр икэумтцан! Иашоуп, ҳабжьара акыкэа-џбамкэа апстбаракэа калахьеит, залымдыррала, Анцэа иеапхьа цьоукы-цьоукы икаритцаз ргаза-рала. Сухэоит, уажэшьтарнахысгы уҳацхра, ушҳацхраалоз еипш! Ажэа устоит, џааны итеггы егыны, итеггы ҳеазыканаты, ҳгэыргьа-гэыргьо ҳшуцыло ала!).

Рис. 4. Круговой ритуальный танец. Архив автора

адаџы дыкоума, абна дылоума, ашьха дыкоума, азы дтоума, ахауа далоума, дахьыка-заалакь ҳара ихайуоу дыхьча, машэыр икэумтцан! Иашоуп, ҳабжьара акыкэа-џбамкэа апстбаракэа калахьеит, залымдыррала, Анцэа иеапхьа цьоукы-цьоукы икаритцаз ргаза-рала. Сухэоит, уажэшьтарнахысгы уҳацхра, ушҳацхраалоз еипш! Ажэа устоит, џааны итеггы егыны, итеггы ҳеазыканаты, ҳгэыргьа-гэыргьо ҳшуцыло ала!).

Молельщик делает полный круговой поворот правым плечом вперед три раза. И смиренно стоящие за ним участники культового праздника поступают точно также, правда, негромко озвучивая короткую традиционную формулу благопожелания: «Да велит Бог вместе с тобой так же, как ты велишь» (иухэаз Анцэа иуцихэааит)!¹ Молельщик при помощи одного из соплеменников зажигает собранные в кучу семейные свечи², отламывает кусочек от своего пирога, вкушает его, а затем раздает пирог по кусочкам остальным участникам торжества.

¹ «Негромкое озвучивание формулы благопожелания» — по абхазской традиции никто не может говорить громче старшего по возрасту, в данном случае — жреца, только что общавшегося с Богом. Бог должен слышать жреца четко и ясно.

² Этот жест является не продуктом культовой обязанности молодого человека, а знаком почтительного отношения к старшему человеку, проявляющегося в любом случае жизни.

Как видно в процессе отправления моления принимает участие лишь мужчины и мальчики рода Джапуа. Все присутствующие женщины группой стоят на краю священного поля, наблюдая за действиями молеельщика и других участников культового торжества. В стороне располагаются и приглашенные соседи из других родов: Цвижба, Сангулиа, Куарчия, Лагулаа, Инапшба, Джинджал, Хахуба. Но и те, и другие, как сами участники торжества, произносят ту же формулу благопожелания словно хором: «Да велит Бог вместе с тобой так же, как ты велел»!

Сразу, после окончания моления, подростки бегут к столу. Обскакавший всех молодец выхватывает один из пирогов и бросается восвояси. Остальные «друзья» беглеца пытаются догнать его, но обычно безрезультатно. Невзирая на откосную тропинку, спускающуюся вниз, он словно стрела оказывается на территории селения. Этот жест считается достойным похвалы со стороны собравшихся.

Рис. 5. Переправа через реку Дваб по висячему мосту.
Архив автора

После окончания молитвенных процедур взрослые участники моления во главе со своим молеельщиком образуют строй, становясь друг за другом по старшинству. Впереди встает молеельщик, независимо от его возраста. В руке он несет охапку горящих свечей. Строй начинает двигаться торжественным шагом правым плечом вперед вокруг ритуального стола, несколько пританцовывая, с песней из двух тактов и размера в 4/4: «Гъар-гъа-ла-са, о-хо-хоо!

При этом, все танцоры хоровода на ходу резко поднимают колено ноги несколько выше, чем при обычной ходьбе, исключительно под каждую восьмую долю музыкального метра. Таким образом, строй участников ритуального действия превращается в широкое кольцо из поющих и танцующих мужчин, движущихся вокруг ритуального стола также три раза.

После завершения всего обрядового действия, группа молодых людей спешно убирает за собой, и участники культа организованно спускаются вниз по крутизне, к прорезающей селение реке Дваб. На левом берегу Дваба, на равнине, покрытой свежей зеленой травкой, и окруженной широколиственными деревьями, стоит навес с легким покрытием. Под навесом накрываются длинные столы со скамейками по бокам. На столе традиционные блюда, преимущественно растительного происхождения, и черное абхазское вино. Стол украшается «пасхальными яйцами» (амшапы-кэтагъ) — один из трех атрибутов праздника Амшапы, которые были доставлены самими участниками праздничного застолья¹. Братья по линии родового сообщества

¹ Атрибутами праздника Амшапы являются красное яйцо, козлик и ритуальный остродонный кувшин с черным вином (Бигуаа 2018: 107; Бигуаа 2023: 118).

Рис. 6. Игра молодежи на поляне у реки Дваб. Архив автора

соревнуются этими красными яйцами («чье сильнее»), поздравляют друг друга и говорят душевные тосты (подробнее об этом: Бигуаа 2018: 96–124).

Пользуясь случаем сбора родственников, они проводят и фамильно-родовое совещание, в повестке дня которого стоят, главным образом, наболевшие проблемы, какие могут быть в роду: кто из его членов нуждается в помощи, оказание внимания многодетным семьям, поведение отдельных представителей молодежи и т. д. и т. п. Важным методом воспитания подрастающего поколения считается здесь доброе слово в адрес отличающихся учащихся школ и студентов, услышанное из уст старейшин рода (Джапуа 2006: 176). «А молодые люди устраивают национальные игры, порою и джигитовку в национальном стиле» (ПМА I, II).

С завершением кратковременной родовой встречи у реки, все расходясь для празднования Светлого дня. В каждом доме накрывается не только праздничный стол, но и «ставится стол» умершим родственникам по восходящей, нисходящей и боковой линиям (аишэа дыргылоит). Обязательными блюдами для обоих столов являются курятина, говядина и всевозможные традиционные приготовления растительного происхождения, а из напитков — медовый сироп / шербет, и черное вино из ритуального остродонного кувшина «Амшапыхапшы».

Рис. 7. Родовое застолье у реки Дваб. Архив автора

В прошлые времена, когда всё селение Аймара состояло в основном из многочисленных, трех–четырёх поколенных и нуклеарных семей рода Джапуа, вечером, после посемейного проведения Амшапы, бытовала традиция заколоть трехгодовалого холощенного козла в доме одного из его членов и встречать вместе праздничное застолье за счет его хозяина, которое сопровождалось весельем с песнями и танцами. При этом соблюдалась и очередность устройства аналогичного совместного празднования Амшап (ПМА I).

Интерпретация полевого этнологического материала

1) В день празднования Амшапы члены семьи, вслед за родителями, встают рано утром. Мотив такой спешки домочадцев к рассвету объясняется интересом к моменту «праздничного восхода солнца» (амшацшара), которое наделит человека теплом души его божества, крепостью здоровья и жизненной радостью.

2) В основе абхазской традиции становится молеельщику и участникам праздника лицом к восходу лежит статус Солнца как первого объекта поклонения, хотя сегодня в пантеоне абхазских богов главную роль играет Анцва (анцэа) — демиург, бог неба и всего мира / космоса. При этом человек обращается правым боком на Юг. Путь движения Солнца по небесам: восток — запад, поэтому данная позиция является исходной точкой формирования абхазского представления о счастливом начале правой ноги и правой руки. Отсюда и традиция начинания любого движения с правой ноги, а дела — с правой руки, в том числе прием пищи, воды и т. д.

3) По народному представлению, мужчина, особенно старший является носителем добра и счастья. Преимущество мужчины объясняется устойчивой патриархальностью традиционного абхазского общества и его ролью как молеельщика, стоящего между богом и соплеменниками.

4) Форма любого культового пирога — круглая. Круг — символ неба, а культовая свеча символизирует вечный огонь, коим принято считать Солнце — небесное светило, освещающее весь мир.

5) Троекратное движение участников торжества вокруг ритуального стола происходит от числа Троицы богов — сердцевины пантеона Абхазской традиционной религии, покровительствующей трем частям мира: Анцва — верховный Бог, личный покровитель мира, неба, головной части мира; Анан — Великая мать земли, серединой части мира; Ацах — царь подземелья, нижней части мира. Поэтому «три» является сакральным числом.

6) Ряд соображений позволяет считать корнем происхождения Джахашкяр — несчастный случай, произошедший в Цабале, точнее, на краю равнины Джаа. Скорее всего, случай произошел именно в то время, когда один из его членов был занят обработкой овсяного поля. Неожиданно для него разразилась гроза, и молния ударила в дуб, стоявший где-то там, поблизости, а под ним он укрывался от ненастья. Да, на первый взгляд, то, что излагается в этом абзаце, носит гипотетический характер, но я постараюсь аргументировать его ниже неопровержимыми фактами.

Дуб — дерево высокого яруса, к тому же корни свои он пускает глубоко в землю, а дубовая кора содержит большое количество железа. Поэтому дуб легко пропускает электрический заряд, способный серьезно повредить дерево и убить любой живой организм, который находится под ним.

О том, что поражение человека молнией из рода Джапуа произошло именно на том местечке, где стояли два различных дерева — дуб и дикая груша (ахаш), возле которых простиралось овсяное поле свидетельствует само и название культа «Цъахашькбар: (а)цъ + ахаш + акбар — букв. «дуб, дикая груша, овес». Возможно здесь речь идет не о дикой груше, а о большом белом камне (аһаш), который лежал под дубом или возле дуба, так как названия того и другого (дикая груша и белый камень) омонимы.

После трагедии люди, по религиозному представлению, восприняли случай как божественное благо: «Все, что приносит нам Бог, — хорошо» (анцэа иахзааиге зегы бзеоуп), и стали называть данный клочек поляны Джаа, «местом, где стоят дуб, груша и растет овес» или «там, где стоит дуб, возле которого лежит большой белый камень и растет овес». И род Джапуа стал совершать моление ежегодно на том же месте, в тот же день и в то же время. Моление это совершалось для задабривания Бога во избежание повторения подобной трагедии.

Отметим, что трагедия эта произошла еще до снятия с места проживания братьев, убежавших в сторону Аймара. Но, несмотря на стресс, моление не могло не остаться в памяти этих беглецов. Они стали отправлять его Богу в Аймаре, точно так же, как их предки в Цабале.

Относительно совершения подобной обрядовой практики род Джапуа не одинок. Многие автохтонные абхазские родовые образования поклоняются культам, сформировавшимся в его религиозной жизни по случаю гибели одного или нескольких соплеменников по отцовской линии от природного явления. Порою они называют свое родовое моления Аныхой. Типичный пример «Лапырныха» — культ ряда фамилий: Цыцба, Бена, Быджба, Бениа и др. Факт прибавления к названию культа слово «аныха», метко заметил еще Ш. Д. Инал-ипа: «У каждого рода был своё празднество, то есть свой особый культ или «свою долю божества» (анцэахэы), покровительствовавшего только данному роду... Родовые культы назвались или святыней... или «молением» (Инал-ипа 1965: 549–550).

7) Напрашивается и другой вопрос, имеющий ключевое значение для логического разрешения проблемы: почему Моление рода Джапуа приурочено к дню празднования самого значимого культа в системе Абхазской религии — Амшапы? Потому что несчастье, случившееся от грозы, имело место именно в день Амшапы, когда всем людям абхазской этнической принадлежности запрещается работать на земле. Следовательно, согласно абхазскому мировоззрению, случай этот следует принимать как божественную кару. И сегодня в бытовой жизни абхазов, не говоря уже о важнейшем праздничном дне, Амшапы, имеет место обыкновение, запрещающее работать в воскресенье, «когда Бог отдыхает в своем доме», расположенном на самом верху семислойного неба, называемого абхазами «Аршь».

8) «Подросток выхватил пирог после завершения молитвенной речи на поляне Аныхамца и пустился в бегство в сторону селения Аймара». На первый взгляд, это — шутка, продукт невоспитанности молодого человека. Но с точки зрения классической этнографии ничего случайного в обрядовой культуре народа не бывает. Все элементы, которые имеются в обряде, уходят своими корнями в реальную жизнь людей глубокой давности. «Убегание с пирогом» — это эхо поступка того молодого Джапуа, который, убив пастуха грозного князя, мигом покинул пределы своего места жительства вместе со своими братьями, и устремился в Аймара, чтобы продол-

жить мирную и правильную жизнь. А попытка препятствовать «похитителю» пирога имитирует погоню за тем беглецом, организованную князем. Народ не осудил его, посчитав данный конкретный случай убийства человека справедливым поступком. Свидетельство тому — народная память, сохранившая поступок до сегодняшнего дня (одобрение поступка молодца — «похитителя» ритуального пирога).

9) «Аныхамца («место под святыней») — так именуется хозяевами положения «молением рода Джапуа Джахашкарных» (джахашкарской святынье) полянка на вершине аймаровского холма, где совершается моление. В этом нет ничего удивительного. Скорее всего, современное название данного объекта поклонения возникло как результат его переосмысления уже Джапуевцами в селении Аймара. Интересно, что предание рода говорит, что «в Аймара был доставлен осколок Аныха из Цабала еще теми далекими предками» (ПМА I), то есть братьями-пришельцами. Но, как явствует этнологическая наука, осколком Аныха может быть только железное изделие — наковальня, молот и щипцы, считающиеся атрибутами кузни, пусть даже имитационные. Подчеркиваю еще раз: сакральная кузня является точкой отсчета Аныха. Во всяком случае, было бы достаточно захватить с собой просто угольный шлак (ажьыракъ), могущий поместиться даже в кармане. На вопрос: «Где осколок»? современный человек родовой принадлежности Джапуа ответил: «Не реальный, а словесный» (ПМА I). Однако я, как этнолог с многолетним опытом, даже не слышал о подобной практике в Абхазской традиционной религии, в частности, её особого института, Аныха.

Повторюсь. Согласно этнологическим данным, Аныха, равно сакральная кузня, обязана своими далекими корнями культу железа, не земного, а метеоритного, с которым древние абхазы познакомились еще задолго до появления земного железа. Причем, метеорит абхазы называют «небесным камнем» — афырхы. Свидетельство тому — наличие одинакового корня в названии обоих терминов (х): аиха — железо, ахахэ — камень. Потому абхазская святыня называется Аныха, что переводится как «небесный камень / небесное железо». С течением времени сакральное значение метеоритного железа перешло и к земному железу. Вне железного культа Абхазская традиционная религия не знает никакой святыни по имени «Аныха».

Аныха — это строжайший и предельно справедливый судья. Говоря словами московского этнолога, доктора наук А. Б. Крылова, она выполняет «функцию регулирования социальных отношений внутри абхазского этноса; остается местом очистительной присяги: данная перед ней клятва считается священной, её нарушение — величайшим грехом, кара за карой падает на весь род клятвопреступника (Крылов 2001: 165–166).

Перед Аныхой / сакральной кузнью осуществляется моление функциональному Божеству Шашвы (шьашэ), или пускается проклятие; осуществляется «откупление самого себя» (ахъыхра) и «взаимное освобождение от Аныха ранее оппонировавших друг другу лиц по тому или иному случаю» (аѣбахра) и т. д. При молении перед Аныхой ни один смертный человек не посмеет обращаться ни к какому Божеству, включая Верховного бога, Анцэа, и произнести другое имя, кроме имени Шъашэ — божества кузни и кузнечного ремесла. На огороженной площадке Аныха / сакральной кузни должен быть зарыт остродонный кувшин (аныхахацъа) с вином из черного отборного винограда — один из основных атрибутов Аныха / сакральной кузни, обязательный также, как наковальня, молот и щипцы. Между тем, на территории «Аныхамцы» (аныхамца) нет ничего подобного. Их никто не видел, даже в цабальском местечке Джахашкар. В качестве неопровержимой доказатель-

ной базой для подтверждения своего мнения я позволю привести еще и формулу моления рода Джапуа, в которой нет ни одного упоминания о божестве сакральной кузни / Аныха, Шашвы (шьашэы). А во время же отправления молитвы или пускания проклятия у Аныха жрец начинает свою ритуальную речь с окаменелой формулы обращения к нему: «Шьашвы — золотой царь, покровитель семи святынь» (Шьашэхьах — абжьныха рынцэхэы)¹. К нему следует добавить и тот факт, что Моление рода Джапуа совершается к полудню и молещик обращается к Анцэа, когда как в случае «моления кузни» (Ажьырныхэа) молещик обращается к Шьашэы, и культовая обрядность начинается вечером, с момента появления в небесах молодой луны. Исклучение — момент принятия присяги или пускания проклятий.

Скорее, современное имя настоящего объекта поклонения, «Джахашкярныха (цъахашькярныха), возникло как результат переосмысления Джапуевцами функциональной сути своего родового культа уже в селении Аимара под влиянием его величества, Времени. Другими словами, «Джахашкярныха» происходит от созвучного с ним слова «цъахашькярныхэа» — «моления Джахашкяр». Время, протекшее с момента возвращения рода Джапуа на историческое место его проживания, внесло значительную трансформацию в их культ. Это неофит. Причиной служит непререкаемый авторитет Аныха, наделенный, по убеждению народа, неимоверной силой притяжения.

Но есть у рода Джапуа культ поклонения, напрямую говорящий о наличии у них связи с Аныха. Это кузня и факт ежегодного совершения под ним обряда «Ажьырныхва» (ажьырныхэа), который справляют во вторник перед амшапы, или после. К тому же совершение моления божеству Шашвы в период весеннего равноденствия считается наиболее архаическим вариантом². Добавим еще, что, многие абхазские семьи празднество Ажирныхва, кузня для которых является культовой, называют и другим, более веским термином: Молением святыне (аныханыхэа)³.

¹ «Шьашвы — золотой царь, покровитель семи святынь» (Шьашэхьах — абжьныха рынцэхэы) не означает, что на самом деле в Абхазии функционируют семь главенствующих святынь. «Семь» самое сильное сакральное число в религиозной жизни абхазов: семь гор, семь морей, семь рек, семь братьев, семь ореховых корней (магических), семь тостов и т. д., количество которых охватывает более двух–трех десятков фразеологизмов. Тем не менее, в абхазской этнологической литературе продолжает существовать мнение о «семи Аных». Так, в статье, недавно вышедшей Краткой абхазской энциклопедии московский этнолог А. Б. Крылов пишет: «Аныхи-святителища (аныхаэа) — священные места абхазов... Народ оберегается семью основными святителями», при этом он перечисляет их поименно. Автору следовало бы заметить еще, что священные места не стали сами по себе священными. На этих священных местах некогда стояли мощные сакральные кузни / Аныха, потому эти места стали тем, какими мы их знаем сегодня.

² Дата Нового года в Римской империи, политической периферией которой была и земли абхазских этнических образований, была перенесена Юлианом Цезарем с весны на зимнее время.

³ В абхазской этнологической литературе имеет место не совсем верное толкование структуры святынь — Аныха, совокупность которых понимается как один из важнейших институтов Абхазской религии: «абхазские святителища (аныха) выступают не узколокальными божествами, а, напротив, сила их и сфера влияния большая, причем у них установлены тесные связи с родственными божествами, которые отделились друг от друга, но продолжают общаться между собой...» (Инал-ипа 1976: 305). Нет. В системе Аныха значится только одно божество, а не несколько. Подтверждение тому — указанное выше начало молитвы или проклятия, пускаемого перед Аныха: «Всесильный Шьшвы — царь, покровитель семи Аныха». При этом не имеется в виду число больших Аных. Здесь речь идет о самом мощном сакральном числе «семь»: семь гор, семь морей и т. д. Количество больших Аных, находящихся даже на территории современной Абхазии, не говоря уже об исторической, никто не знает, и знать не может (Бигуаа 2018: 226–227).

Уместно отметить и факт, свидетельствующий о строительстве христианских храмов в Абхазии как святынь рядом или на месте функционирования древних Аны-ха с давних времён. Эти храмы пользовались у народа непререкаемым авторитетом. Цель данного решения заключалась в поднятии имиджа новоявленной идеологии для того, чтобы привлечь большее внимание абхазов к новой религии.

10) С этим трагедийным днем связан и «запретный день» рода Джапуа — воскресенье, как это принято в религиозной жизни других абхазских родов, поклоняющихся своему личному божеству, которого они называют «нашей долей бога» (ханцэахы). Но относительно рода Джапуа о «доле бога» не идет и речи. Моление Джапуа формировалось на основе данного верховному Богу обета (афатахьа) старейшим членом рода после несчастного случая от удара молнии.

11) Моление рода Джапуа совершается как настоящее зрелищное мероприятие, ибо и событие, от которого берет оно свое начало, предки рода встречали как торжество божественного начала. Родственники и сельчане убитого молнией соплеменника не оплакивали, наоборот — провожали его в последний путь весело. Как раз то хороводное представление, бытующее сегодня на площадке отправления родового моления Богу — есть продукт памяти рода о том моменте, когда убиенный покоился на помосте (ашэымкьат), вокруг которого проводили аналогичный ритуал в его полном объеме. Вообще круговой массовый танец был в прошлом у абхазов неотъемлемой частью предварительной подготовки бойцов к походу за славой (хьызрацара), или во имя защиты родной земли (ацсадгьылхьчара). В данном случае круг способствует развитию чувства плеча ближнего, поддержанию единения коллектива и его здорового духа, взаимовыручки и других универсальных качеств воина в условиях на поле боя.

Что касается этимологии слов, присутствующих в песне, — «гьаргьаласа» и «охо-хо», то первое (гьаргьаласа) не следует понимать, как «плетенный из прутьев круг, надеваемый на шею животных при приручении» (*Касландзия* 2005: 280), поскольку оно не снабжено аффиксом «а», добавляющимся ко всем нарицательным существительным. Скорее здесь мы имеем домашнее имя несчастного, убитого молнией на цабальской поляне Джаа (Цъаа)¹. Семантика необычного личного антропонима, Гьаргьаласа, кроется в детской неугомонности «нашего «героя». Видать, он слишком часто бегал внутри домашнего двора, напоминая функциональную значимость этого крестьянского изобретения, агьаргьаласа². «Второе слово» — это рефрен, часто встречающийся в абхазских народных песнях радостного происхождения.

¹ По абхазскому обычаю, во избежание злых духов, ребенку до исполнения им года не давали собственного имени — его называли ласкательным именем, или соответствующим его внешности прозвищем / имяреком. Только в тот день он удостоивался официального имени с соблюдением соответствующей обрядности. Причем особое внимание «уделялось подбору имени (...) и получить право наречь младенца именем означало удостоиться высокой чести» (*Дбар* 2007: 315). Более того, день наречения считался днем инициации ребенка, грани двух миров, днем его первого шага в человеческий мир (*Бигуаа* 2023: 284).

² В. Е. Кварчия считает, что территориально местечко Джахашкяр входит в селение Джаа. В этом я не могу возразить ему, но не могу согласиться с его толкованием микропонима Джахашкяр: Джахашкяр происходит от «антропонимический топоним (Джаа — В. Б.) и «ашьякяр» — равнина, лощина» (*Кварчия* 2006: 284; *Кварчия* 2002). Да, безусловно, название поляны Джаа связано с родовым именем Джапуевцев. Но я уверен в том, что, термин «шьякяр» натянут. Другая половина микропонима происходит от отличительной характеристики того местечка Джаа, где произошло поражение человека молнией, которая заключается в наличии на нем дикой груши (ахаш) и овсяного поля (акьар). Нужно учесть еще, что поляна Джаа и до несчастного случая носила данное название, поскольку на неё распространялась территория земли, принадлежащей роду Джапуа.

Далее уместно заметить, что одинаковое звучание родового имени (фамилия) и название дуба не случайно. Оно говорит о тотемном происхождении родового имени «Джапуа»: адь (дуб) + уа (антропонимический формант, в значении «люди»). Отсюда и название поляны, что в селе Цабал, Джаа, которое, вероятнее всего, представляет собой усеченную форму данного родового антропонима множественного числа — «Джапуа» (Джапуаа).

Таким образом, этнологические, исторические, фольклорные, и языковые данные, на основе которых выполнена настоящая работа, дают мне основание утверждать, что настоящий объект исследования является типичным абхазским родовым культом. И ещё. Исконное / первоначальное название этого религиозного объекта — «Джашкьбар: культ рода Джапуа» (Цьахашкьбар: Цьапуаа рныхэара).

Заключение

Несмотря на то, что христианство проникло в Абхазию — одну из периферийных стран Римской империи, — с первых времен его возникновения, а уже в середине VI столетия оно было принято в качестве государственной религии, и в наши дни отношение народа к своей традиционной религии довольно серьезное (Бигуаа 2018: 5). Правда, в результате социально-экономических и политических изменений, которыми была полна история абхазского народа, многие древние элементы обрядовых практик абхазской религии утеряны, но сохранились их остоны, о чем свидетельствуют основные общенародные и родовые религиозные праздники (См., например: Дбар 2007). В меньшей мере, но встречаются культы, хронологически корни которых уходят в глубокую древность, другие ограничиваются даже поздним средневековьем. Пример тому — родовые культы Харания (Бигуаа 2020: 95–105), Адлейба (Бигуаа 2021), Маршан (Бигуаа 2023: 198–216).

Кстати, по канонам традиционной религии абхазов, день родового культа является и запретным днем рода, так как любой несчастный случай считается ответом Бога за неповиновение потерпевшего человека¹. В результате, за судьбу каждого члена рода берет на себя ответственность не только его семья, но и тот же род, не убежавший от недоразумения «греховного соплеменника перед Богом». Родовые сходы, имеющие место в современной действительности Абхазии — пример тому.

Ряд абхазских родовых культов был подвержен этнологическому исследованию, но подавляющее большинство из них остаётся пока нетронутым, хотя тема сама интересная и актуальная. Пример — объект настоящего исследования «Джашкьбар: культ рода Джапуа».

Во-первых, любой родовой культ это историческое, этнологическое и фольклорное достояние целого рода, во-вторых, его обрядовая практика — это важнейший повод общения людей, носящих одно родовое имя (эпоним), считающих себя потомками общего далекого родоначальника. В эпоху чрезвычайной занятости, рационального отношения ко всему и скоростного движения времени оно служит для них панацеей от всякого рода неприятностей и депрессии, способствуя приобщению и психологическому настрою к

¹ По представлению абхазов, «запретный день» отличается от всех остальных дней своей магической силой. В течение светового дня запрещается работать на земле, а также залезать на дерево, шить, прясть, купаться, причесываться, бриться, стричь волосы, обрезать ногти, нельзя ничего выносить из дома, ходить на горестные мероприятия и т. д.

созидательной жизни. В данном конкретном случае у участников очередного торжества вырабатывается очередной положительный заряд о совершающей моление многочисленной и хорошо известной в стране мощной родовой организации¹.

Отрадно ещё, что в совершение моления рода Джапуа вовлекаются любящие и почитающие Апсуара — ядро этнической культуры абхазского народа — молодые люди, воспитанные в духе лучших традиций отцов, дедов и прадедов. А это уже пример для подражания. Народ, который богат молодежью со здоровым этническим духом и этническим менталитетом, имеет перспективу для поддержания и развития специфики своей самобытной культуры — величайшего фактора самосохранения любой современной малочисленной нации.

Источники и материалы

ПМА I — Джапуа Аркадий Иванович, 67 л., жит. г. Сухум (родился и вырос в с. Члоу Очамчирского района). Запись 9.02.2023.

¹ Да, это правда. Если заглянуть в историческое прошлое Абхазии, то известность рода Джапуа (Джонуа, Аджапуа) объясняется его непоколебимым статусом, исходящим из собственного социального положения, в соответствии с которым в феодальную эпоху он входил в число родов свободных / государственных крестьян, и тем самым занимал самую высокую ступень крестьянской иерархии. В новое время род Джапуа славился своими мудрыми долгожителями, а в новейшее время — сыновьями и дочерьми, проявившими и проявляющими себя с самой достойной стороны во всех сферах жизни Абхазии и за её пределами:

Светлая память! Тараш и Тандел Джапуа — известные сказители, солисты прославленного Ансамбля долгожителей Абхазии, завоевавшего гран-при «Золотой павлин» на Международном фестивале этнографических коллективов; Алексей и Чичико Джонуа — поэты, классики абхазской поэзии, члены Союзов писателей Абхазской АССР и СССР, участник и ВОВ; Владимир Джапуа — полковник советской милиции, заместитель министра внутренних дел Абхазской АССР, ветеран ВОВ; Хута Джапуа — актер театра и кино, заслуженный деятель культуры Абхазской АССР, режиссер, член Союза журналистов СССР; Рушни Джапуа — актер театра и кино, поэт, драматург, народный артист Абхазии, член Союза писателей СССР; Тото Аджапуа — оперный певец, композитор, заслуженный деятель искусства Абхазии, член Союза композиторов СССР, лауреат государственной премии имени Д. И. Гулиа, участник Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 гг. (ОВНА 1992–1993), кавалер Ордена Леона, Ордена «Ахъз-апша» Пстепени; Владимир Джапуа — полковник советской милиции, зам. Министра Абхазской АССР, участник ВОВ, председатель Совета ветеранов МВД Абхазии; Люба Джапуа — сказительница. Отличалась очень архаичным, традиционным взглядом на мир, большим художественным чутьем, артистичностью исполнения; Борис Джонуа — талантливый лингвист, кавказовед, к. филол. н., участник ОВНА 1992–1993; Тенгиз Д. Джапуа — участник ОВНА 1992–1993, герой Абхазии; Тамаз Джапуа — участник АВНА 1992–1993, герой Абхазии; Роман Джапуа — участник ОВНА 1992–1993, герой Абхазии; Джембул Джапуа — участник ОВНА 1992–1993, герой Абхазии (АБС, 2015);

Долгих лет счастливой жизни! Зураб Джапуа — крупный абхазский фольклорист, д. филолог. н., профессор, академик, президент АН Абхазии, иностранный член Российской АН, заслуженный деятель науки РА, лауреат государственной премии Абхазии имен Г. А. Дзтдзария; Тали Джапуа — к. филолог. н., доцент, депутат народного собрания Абхазии II созыва, активная участница Национально-освободительного движения абхазского народа, участник ОВНА 1992–1993, герой Абхазии; Батал Джапуа — известный художник театра и кино, график, живописец, член СХ Абхазии, участник, ОВНА 1992–1993, кавалер ордена Леона; Аркадий Джапуа — археолог, к. и. н., директор Абхазского государственного музея, ст. научный сотрудник Института гуманитарных исследований АН Абхазии; Марина Джапуа — поэтесса, член Ассоциации писателей Абхазии (АБС 2015).

ПМА II — Джапуа Иван Елисбарорович, 78 л., жит. пос. Дранда Гульрипшского района (родился и вырос в с. Отап Очамчирского района). Запись 18.02.2023.

Научная литература

- АБС 2015 — Абхазский биографический словарь (АБС). Под. ред. В. Ш. Авидзба. М.; Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АН Абхазии. 2015. 832 с.
- Бигуаа В. Л. Ритуальный мир традиционной религии абхазов. М.: МАКС Пресс, 2018. 301 с.
- Бигуаа В. Л. Отголоски родового культа у абхазов: моление Хараниевцев // Вестник антропологии. 2020. № 2. С. 95–105. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2020-50-2/95-105>
- Бигуаа В. Л. Этнография абхазского родового культа: моление Аблебовых // Вестник антропологии. 2021. № 3. С. 228–243. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2021-3/228-243>
- Бигуаа В. Л. Маршанова доля Бога как родовой культ в системе традиционной религии абхазов // Вестник антропологии. 2023. № 1. С. 198–216. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-1/198-216>
- Бигуаа В. Л. Абхазская традиционная религия. Сухум: АГУ, 2023. 434 с.
- Ботяков Ю. М., Джопуа А. И. Семейный праздник на святилище Джахашеяр-ныха в современной Абхазии // Лавровский сборник. Материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2008–2009 гг. Этнология, история, археология, культурология. Санкт-Петербург, 2009. С. 82–87.
- Дбар С. А. Обычаи и обряды, обряды, связанные с уходом за ребенком // Абхазы. Отв. ред.: Ю. Д. Анчабадзе, Ю. Г. Аргун. Москва: Наука, 2007. С. 312–321.
- Цапуа А. Цапуаа рныха «Цьахашькьар» // Алашара, Акэа. 2007. С. 173–178. [Джапуа А. И. Святыня рода Джапуа «Джахашькьар» / на абх.].
- Инал-ипа Ш. Д. Абхазы (историко-этнографические очерки). Сухуми: Алашара, 1965. 695 с.
- Инал-ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми: Издательство «Алашара», 1976. 463 с.
- Каснадзия В. А. Абхазско-русский словарь. М.; Сухум: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. В 2-х т. 720+704 с.
- Кварчия В. Е. Ацсны атопонимика. Акэа, 2002. 688 с. [Кварчия В. Е. Абхазская топонимика. На абх.].
- Кварчия В. Е. Историческая и современная топонимия Абхазии (историко-этимологическое исследование). Сухум: Акад. наук Абхазии, Абхаз. ин-т гуманит. исслед. им. Д. И. Гулиа, 2006. 328 с.
- Крылов А. В. Религия и традиции абхазов. М.: ИВ РАН, 2001. 405 с.

References

- Avidzba, V. Sh. (ed.). 2015. *Abkhazskii biograficheskii slovar'* [Abkhazian Biographical Dictionary]. Moscow — Sukhum: Abkhazskii institut gumanitarnykh issledovaniy im. D. I. Gulia AN Abkhazii. 832 p.
- Biguaa, V. L. 2018. *Ritual'nyi mir traditsionnoi religii abkhazov* [The Ritual World of the Traditional Religion of the Abkhazians]. Moscow: MAX Press. 301 p.
- Biguaa, V. L. 2020. Otgoloski rodovogo kul'ta u abkhazov: molenie Kharanievtsev [Echoes of the Ancestral Cult of the Abkhazians]. *Vestnik antropologii* 2: 95–105. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2020-50-2/95-105>
- Biguaa, V. L. 2021. Etnografiia abkhazskogo rodovogo kul'ta: molenie Ablebovykh [Ethnography of the Abkhazian Family Cult: Prayer of Ablebovs]. *Vestnik antropologii* 3: 228–243. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2021-3/228-243>
- Biguaa, V. L. 2023. Marshanova dolia Boga kak rodovoi kul't v sisteme traditsionnoi religii abkhazov [“Marshanov’s Share of God as a Family Cult in the System of Traditional Religion of Abkhazians]. *Vestnik antropologii* 1: 198–216. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-1/198-216>

- Biguaa, V. 2023. *Abkhazkaia traditsionnaia religiia* [Abkhazian Traditional Religion]. Sukhum: Abkhazskii gosudarstvennyi universitet. 434 p.
- Botiakov, Yu. M., and A. I. Dzhopua. 2009. Famil'nyi prazdnik na sviatilishche Dzhakhasheiar-nykha v sovremennoi Abkhazii [Family Holiday at the Dzhakhasheiar-nykha Sanctuary in Modern Abkhazia]. *Lavrovskii sbornik. Materialy XXXIII Srdneazatsko-Kavkazskikh chtenii 2008–2009 gg. Etnologiiia, istoriia, arkheologiiia, kul'turologiiia* [Lavrov Collection. Materials of the XXXIII Central Asian-Caucasian Readings 2008–2009. Ethnology, History, Archeology, Cultural Studies]. Saint Petersburg. 82–87.
- Dbar, S. A. 2007. Obychai i obriady, obriady, sviazannye s ukhodom za rebenkom [Customs and Rituals, Rituals Associated with Childcare]. In *Abkhazy* [Abkhazians], ed. by Yu. D. Anchabadze and Yu. G. Argun. Moscow: Nauka. 312–321.
- Dzhapua, A. 2007. Svjatynja roda Dzhapua «Dzhahashk'ar» [Shrine of the Dzhapua Clan “Dzhahashkyar”]. *Alashara* 173–178.
- Inal-ipa, Sh. D. 1965. *Abkhazy (istoriko-etnograficheskie ocherki)* [Abkhazians (Historical and Ethnographic Essay)]. Sukhumi: Alashara. 895 p.
- Inal-ipa, Sh. D. 1976. *Voprosy etno-kul'turnoi istorii abkhazov* [Questions of the Ethno-Cultural History of the Abkhazians]. Sukhumi: Alashara. 463 p.
- Kaslandzia, V. A. 2005. *Abkhazsko-russkii slovar'* [Abkhazian-Russian Dictionary]. Sukhum. 720+704 p.
- Krylov, A. B. 2001. *Religiia i traditsii abkhazov* [Religion and Traditions of the Abkhazians]. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN. 405 p.
- Kvarchia, V. E. 2002. *Abkhazskaia toponimika* [Abkhazian Toponymy]. Sukhum. 688 p.
- Kvarchia, V. E. 2006. *Istoricheskaiia i sovremennaia toponimiia Abkhazii (istoriko-etimologicheskoe issledovanie)* [Historical and Modern Toponymy of Abkhazia (Historical and Etymological Research)]. Sukhum: Akademiia nauk Abkhazii, Abkhazskii institut humanitarnikh issledovaniia imeni D. I. Gulia. 328 p.